

Благодарный Еродій

Григорій Сковорода

Григорій Варсава Сковорода

Любезному другу Семену Никифоровичу Дятлову
желает мира божія.

Проживая дни жизни по оному Сираховскому тупику?: "Блажен муж, иже в премудрости умрет и иже в разумѣ своем поучается святынь, размышляяй пути ея в сердцѣ своем, и в сокровенных ея уразумится", соплел я в сіє 1787-е лѣто маленькую плетеницу, или корзинку, нареченную "Благодарный Еродій". Се тебѣ дар, друже! Прійми его, Еродіа, по-еродієву, прійми парящаго и сам сый парящій. Прійми сердцем Еродієво сердце, птица птицу. "Душа наша яко птица". Да будет плетенка сія зеркалом тебѣ сердца моего и памятною нашея дружбы в послѣдняя лѣта. Ты видѣ отец еси и сам птенцы твоя воспитуеши. Я же есмѣ друг твой, принесшій плетенку сію. В ней для младаго ума твоих птенцов обрящеши оп-риснок от оных хлебов: "Хлѣб сердце челоуку укрѣпит". Всѣх в них зѣрно сіє сице: яко живет средѣ вас нѣчто дивное, чудное, странное и преславное, имущее явиться во свое ему время. Вы же со благоговѣніем ждите, яко рабы, чающіи господя своего... Ничто же бо естѣ бог, то-чію сердце вселенныя; наше же сердце нам же естѣ господѣ и дух. Сіє домашнее они свое благо со временем узнав и плѣнився прекрасною его добротою, не станут безобразно и бѣсновато гонитися за мырскими суетами и во всѣх злоудачах возмогут себе утѣшити сею давидскою пѣсенкою: "Возвратися, душа моя, в покой твой и стези своя посредѣ себе упокоят со Исаією". Ничим же бо бездна сія сердце наше удовлетворяется, токмо са-мо собою, и тогда-то в нем сіяет вѣчная радости весна. Таковое сердце вродив птенцам твоим, будеши им сугубый, сирѣчь истинный отец; чада же твоя будут истинный, благодарный, благочестивый и самодовольный еродіи. Протчее же подобает нѣчто сказати о еродійской природѣ. Они подобны журавлям, но светлѣйшее періе и коралловый или светло-червленый нос. Непримирымъ враги зміям и буфонам, значит — ядовитым жабам. Имя сіє (???????) есть еллинское, значит — боголюбный, иначе зовется (пеларго-с и ерога-с), римски — киконіа, полски — боцян, малороссійски — гайстер. Сія птица освятилася в богословская гаданія своя благодарности, прозорливости и челоуколюбія. Поминает ее Давид и Іереміа. Они кормят и носят родителей, паче же престарѣлых. Гнѣздятся на домах, на ки-рках, на их шпи-цах и на турнях, сирѣчь горницах, пирамидах, теремах, вольно, вольно. В Гунгаріи видѣл я на каминах. Гаданіе — еллински — символон. Первый символ составляет она сей: сидит в гнѣздѣ, па храмѣ святом утвержденном. Под образом подпись такова: "Господь утверждєніе мое". Второй символ: стоит един Еродій. Подпись сія: "Ничто же сильнее благочестія". Третий символ: Еродій терзает змія. Подпись: "Не возвращуся, дондеже скончаются". Сіи три символы да будут знаменіем, гербом и печатію книжицы сея. Она совершилася в первую квадрату1 первыя луны

осіння. Аминь!

"Тамо птици возгніздяться". "Еродієво жил[ище] предвод[ительствует] ими" (Псалом). "Еродій позна время свое" (Іеремія).

Главизна и твердь книжицы.

"Прійдите, чада, послушайте мене, страху господню научу вас" (Давид).

"Аще сердце наше не осуждает нас, дерзновение имамы" (Іоанн).

"Сыне! храни сердце твое, люби душу твою" (Сирах), "Разумыв праведник, себѣ друг будет" (Соломон).

"Человѣк в чести сый не разумѣ..." (Давид). "Всяк дух, иже не исповедует Іисуса Христа во плоти пришедша, от бога нѣсть" (Іоанн).

"Еродій позна время свое, Израиль же мене не позна" (Іеремія).

"Неблагодарнаго упование, яко иней зимный, растает и изліється, яко вода неключима" (Соломон).

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННА ЕРОДІЙ.

В ней разглагольствует обезьяна

со гиенцем Еродіевым о воспитаніи.

Обезьяна, по древней своей фамилии именуемая Пишек. Она во африканских горах на рясном и превознесенном древѣ со двома чад своих седмицами сидѣла. В то же время пролѣтал мимо младый Еродій. Госпожа Пи?шек, узрѣв его: — Еродій, Еродій! — воззвала к нему, — друг мой Еродій, сын пелергов! Радуйся! Мир тебѣ! Хатре! Салам али кюм!..2

Е р о д і й. А-а! Всемиловитая государыня! Бонжур!3 Кали? име?ра! День добрый! Gehorsamer Diener!4 Дай бог радоваться! Salve!5 Спасайся во господѣ!..

П и ш е к. Ай, друг ты мой! Радуюся, яко начаша глаголати многими языки. Видно, что ученый обучал тебе попугай. Куда бог несет?

Е р о д і й. Лечу за пищею для родителей.

П и ш е к. Вот бѣда! Ты ли родителей, а не они тебе кормят?

Е р о д і й. Сіе нѣсть бѣда, но веселіе и блаженство мое. Они кормили мене в младости моей от младых ногтей моих, а мнѣ подобает кормити их при старости их. Сіе у нас нарицается аутілеХарувіу, сирѣчь возблагодарять, или взаимно пеларгствовать, и еллины весь наших птиц род называют пеларгос. Но мы их не точію кормим, но и носим за немощь и старость их.

П и ш е к. Чудо преестественное!, Новость, рѣдкость, раритет, необыкновенность, каприз, странная и дикая дичь... Сколько вас у отца и матери чад?

Е р о д і й. Я и мнѣйшій мене брат Ерогас, и сестра Киконіа.

П и ш е к. Гдѣ вы обучалися во отроческіи лѣта?

Е р о д і й. Нигдѣ. Мене и брата научил отец, а мати сестру.

П и ш е к. О, мой боже! Вездѣ цветут славные училища, в коих всеязычными обучают попугаи. Для чего он вас не отдавал? Он не убог. Как быть без воспитанія?

Е р о д і й. Для того же то самого сами нас воспитали родители.

П и ш е к. Да его ли дѣло учить и воспитывать? Развѣ мало у нас вездѣ учителей?

Е р о д і й. Он сам великій к сему охотник, а мати ему во всем послѣдует. Он славословит, яко двѣ суть главный родительскія должности сїи: "Благо родить и благо научить". Аще кто ни единый от сих двоих заповѣдей не соблюл, ни благо родил, ни благо научил, сей нѣсть отец чаду, но виновник вѣчныя погибели. Аще же родил видно благо, но не научил, таков, рече, естѣ полу-отец, яко же достойно есть полу-мати, чревородившая, но не млекопитавшая, даровавшая пол мастерства своего доилицѣ и погубившая половину чадолюбїа. Аще-де мѣсто владычнее сидѣніем рабским безчестится, како не безобразится отческа я должностъ, исправляема рабом или наемником? Буде же отец извиняется скудостію времени, прощается тогда, когда обрящет лучшее дѣло. Но ничто же лучше естѣ благого воспитанїа: ни чин, ни богатство, ни фамиліа, ни милость вельмож, развѣ благое рожденіе. Оно едино есть лучше всего и сего, яко сѣмя щастію и зерно воспитанію.

П и ш е к. Благо родитѣ разумѣши ли что ли?

Е р о д і й. Не знаю. Знаю же, что он сїе поставляет известным для единых избра?нных божїих. Иногда-де во убогом домикѣ, исполненном страха божїа, друг роду человѣческому благо рождается человек, не всегда же и в царских чертогах. Да уразумѣм, яко не красота мыра сего, ни тварь кая-либо, но единая благодать божїа благому рожденію виновна бывает и яко благородство не лѣтами к нам прицепляется, но раждается зѣ?рно его с нами. Знаю же и сїе, яко мой отец, разъярен от коего-либо негодя, стрѣляет на его сими словами:

O quarta luna seminate!

O malo utero gestate!

O mala mens et ingenium!

Иными же словами язвить не обык никого.

П и ш е к. Протолкуй же мнѣ сїи уязвленїа.

Е р о д і й. Я силы их не знаю, а скажу один их звон:

О в четверту луну посѣян!

О злѣ чревоноше?н матерью!

О злый у?ме и злая врода!

П и ш е к. Конечно, отец твой знает римскій и еллинскій язык?

Е р о д і й. Столько знает, сколько попугай по-французски.

П и ш е к. Что се? Не ругаешься ли отцу твоему?

Е р о д і й. Сохрани мя, господи... Не так я рожден и воспитан. Я самую истину благочестиво сказал.

П и ш е к. Как же он, не научен римски, гово?рит римски?

Е р о д і й. Есть у его друг, нехудо знающій римски и маленьку часть еллински. С ним он, часто бесѣдуя, научился сказать нѣсколько слов и нѣсколько сентенцій.

П и ш е к. Ах, мой боже! Как же он мог вас воспитать, невѣжда сый?

Е р о д і й. О премудрая госпоже моя! Носится славная притча сїа: "Не ходи в чужїй монастырь с твоим уставом, а в чужую церковь с твоим типиком". У нас не как у вас, но совсѣм иной род воспитанїа в модѣ. У вас воспитаніе злѣ драгое. У нас же вельми

дешевое. Мы воспитываемся даром. Вы же великою цѣною.

П и ш е к. Бездѣлица! Сотню рубликов с хвостиком порясть в год на малчика, а чрез 5 лѣтъ вдруг он тебѣ и умница.

Е р о д і й. Госпоже Деньга достает и за морем. Но гдѣ ее взять? А воспитаніе и убогим нужно есть. И кошка блудлива не находит себѣ пристанища. Избавляет же от блуда нас не деньга, но молитва туне.

П и ш е к. Я говорю не о подлом, но о благородном воспитаніи.

Е р о д і й. А я размышляю не о богатом, но о спасительном воспитаніи.

П и ш е к. Полно же! Ты, вижу, старинных и странных дум придержи?шься. Однако, скажи, как он вас воспитал? Чему научил? Арифметикѣ ли и геометріи? Ученому ли коему или шляхетному языку?..

Е р о д і й. Да мнѣ и сіе невѣдомо: кто есть ученый, а кто-то шляхетный язык.

П и ш е к. Да ты же со мною привитался разными языками.

Е р о д і й. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

П и ш е к. По крайней мѣрѣ та?нчить или играть на лютню...

Е р о д і й. А бог з вами! Я и на балалайку, не только на цымбалах не умѣю.

П и ш е к. Ха! Ха! Хе! Ему лютня и цымбали все одно. И сего-то не знает. Но, друг мой! Музыка великое врачевство? во скорбех, утѣха же в печали и забава в щастіи. Да чего же он тебе научил? Скажи, пожалуй!

Е р о д і й. Ничего.

П и ш е к. Умора, ей-ей! уморил ты мене смѣхом... Так, так-то у вас воспитывают?

Е р о д і й. Так!

П и ш е к. Может быть, достал тебѣ чинок?

Е р о д і й. Ни!

П и ш е к. Может быть, деньгу вам велику собрал или имѣніе?

Е р о д і й. Ни!

П и ш е к. Так что же? Роги золотыя вам на головѣ возрастил, что ли?

Е р о д і й. Родил и возрастил нам посребре?нные крыла, ноги, попирающие главы змѣев, нос, разстерзающій оныя. Се наша и пища, и слава, и забава!

П и ш е к. Да у вас же крыла черныя, по крайней мѣрѣ смуглыя.

Е р о д і й. Черныя видѣ, но лѣтают путем посребре?нным.

П и ш е к. Чего же либо научил вас, однак: нелзя не так. Конечно, есть что-то, на сердце вам напечатанное. Родители суть божій, чада же суть родительскій список, изображеніе, копія. Как от яблони соки во вѣтвы своя, так родительскій дух и нрав переходит в чада, дондеже отлущатся и нововкоренятся.

Еродій. Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навѣчить, хоть извѣчить. Хоть ученый, хоть звичайный, хоть привычный есть то же. От природы, яко матери, легесенько сплѣт наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь лѣтать, но не черепаху. Орла во мгновеніе навѣчишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправишь на Ка?вказныя горы, привлечешь пить без труда из чистѣйших нагорных

водотечей, но не велблюда и не вепра. Аще всяческая строит премудрая и блаженная натура, тогда како не едина она и исцѣляет и научает? Всякое дѣло спѣет, аще она путеводствует. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будьте дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершит!. Клубок сам собою поточится из горы: отними только ему препятствующій претыканіа камень. Не учи его котиться, а только помогай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее от свиней, отрѣжь волчцы?, очисти гусенѣ, отврати устремляющуюся на корень ея урынуб и протчая. Учитель и врач — нѣсть врач и учитель, а только служитель природы, единственные и истинные и лечебницы, и учшельницы. Буде кто чего хочет научиться, к сему подобает ему родиться. Ничто же от чловѣка, от бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзает без бога научить или научиться, да памятует пословицу: "Волка в плуг, а он в луг". Доколѣ колцо висит из ноздрей свиніи, дотолѣ не роет. Выйми же, паки безобразит землю.

Сіе нѣсть воспитаніе и нѣсть ученіе, но обузданіе, от чловѣческой помощи происходящее, всѣх беззаконников управляющее. Воспитаніе же истекает от природы, вливающія в сердце сѣмя благія воли, да помалу-малу, без препятствій возрасши, самовольно и доброхотно дѣлаем все тое, еже свято и угодно есть пред богом и чловѣки. Коликое идолопоклонство восписывать чловѣческим наукам и чловѣческим языкам восприносить и воспріичитать воспитаніе? Кая полза ангелскій язык без доброй мысли? Кій плод тонкая наука без сердца благого? Развѣ, еже орудіе злобы, бѣшенству меч и притчею сказать "крила и роги свиніи". Воззрим, госпоже моя, на весь род чловѣческой! У них науки, яко же на торжищах купля, кипят и мѣтутся. Обаче, они хищнѣе суть птиц, невоздержнѣе скотов, злобнѣе звѣрей, лукавѣе гадов, безпокойнѣе рыб, невѣрнѣе моря, опаснѣе африканских пѣсков... Чего ради? Того ради, яко злѣе рождятся. Природа благая есть всему начало и без нея ничто же бысть, еже бысть благо. Благодарю убо неизреченным образом богу во образѣ его святом, во отцѣ моем, яко благо от него родиться сподобил мя есть. Вторая же икона божія нам есть мати наша. Сего ради главным божіим дарованіем одарен чрез родителей моих; все прочее чловѣческое: чин, богатство, науки и всѣ вѣтроносныи их блонды и пукли с кудрями вмѣняю во хвост, без коего голова и живет, и чтится, и веселится, но не хвост без головы.

П и ш е к. Убо что ли есть благо родиться и благая природа есть что ли?

Е р о д і й. Благая природа и врода есть благое сердце.

П и ш е к. Что ли есть сердце благое?

Е р о д і й. Сердце благое есть то же, что приснотекущій источник, точащій чистыя вѣчно струи, знай, мысли.

П и ш е к. Что ли суть мысли?

Е р о д і й. Сѣмя благих дѣл.

П и ш е к. Дѣла же благая суть что ли?

Е р о д і й. Добрыи плоды, приносиміи богу, родителям, благодѣтелям в честь, славу и жертву.

П и ш е к. Зачем же мнѣ сердце твое не видно?

Е р о д і й. Тѣм, что древеснаго корня не видишь.

П и ш е к. А ведь вся влага от кореня?

Е р о д і й. От сердца же всѣ совѣты.

П и ш е к. Как же твоя природа или врода? К чему ты рожден или врожденное тебѣ, что ли? Скажи, молю!

Е р о д і й. Благодарность — вот вам начало и конец моего рожденія!

П и ш е к. Ах, мой боже! И ты на сем одном храмину щастія основал? Тако ли?

Е р о д і й. Ей-ей! Третьяшолѣтная печь неопално соблюла притчу сію; "Много хитростей знает лис, а еж одно великое".

П и ш е к. Но может ли от дождевых безгодій спасти сія, так сказать, куртая и куцая куртинка?

Е р о д і й. Довлѣет, как ковчег.

П и ш е к. Мнѣ кажется, сія надежда есть паучинная одежда.

Е р о д і й. И мнѣ видится малым червончик, но тайно там много сидит гривень.

П и ш е к. Сего же то ли единого учит тебе твой отец?

Е р о д і й. Единого точію сего. Он родил мнѣ крила, а я сам научился лѣтать. Он вродил мнѣ благое сердце, я же самовольно навикаю и глумлюся, сирѣчь забавляюся благодарностію. Он только часто отсекает мнѣ волчцы?, разумѣй, поступки мои, не сличныи благодаренію, орошает бесѣдою, оживляющею ко благодарности. Всѣ же бесѣды его, как магнитная стрѣла в сѣверную точку, праволучно поражают в сей кон: неблагодарная воля — ключ адских мученій, благодарная же воля есть всѣх сладостей рай. Сыне (часто вопіет на мене), сыне мой! Ей, учися единыя благодарности. Учися, сидяй в дому, летай путем, и засыпая, и просыпаясь. Ты рожден еси благо, и сія наука есть дщерь природы твоя. Да будет она тебѣ сладчайшим и вечерним, и ранним, и обѣдним куском! Знай, что всѣ протчія науки суть рабыни сея царицы. Не буди буій! Не хватайся за хвост, минув голову. Пріемли и обращай все во благо. Да будет душа твоя желудком птиц, кои пѣсок, черепашины и камушки обращают себѣ вареніем крѣпкаго своего внутренняго жара в питательный свои соки. Неблагодарная и ропотливая душа есть то же, что бо?льный желудок, гнушающійся всякія пищи. Благодарность же есть твердь и здравіе сердца, пріемлющаго все во благо и укрѣпляющагося. Плоды блаженныя жизни суть радость, веселіе и удовольствіе; корень же их и древо благолиственное есть тишина сердечная, а кореню зе?рном есть благодарность. Она ест дух чистый, тихий, благодушный, благовонный, весна и ведро свѣтлаго смысла. Не трещит там молнія и гром. Вопреки же, все терніе и волчцы рождаются от несатыя пѣявицы зависти, завить же от ропота, ропот же от неблагодарныя воли, наполнившія сердечное нѣдро неусыпаемым червѣм, безпереривно денно и ночью душу гризущим. Ах! Дѣти мои, дѣти! Вот вам надежда и гавань! Еухаристіа.

П и ш е к. А что ли сіе слово значит (еухаристіа)?

Е р о д і й. Еллины сим словом называют благодареніе.

П и ш е к. И так сим-то образом вас учит ваш отец? Кому же вы сіе благодареніе

ваше воздавать будете?

Е р о д і й. Богу, родителям и благодѣтелям. Оно богу жертва, родителям честь, а благодѣтелям воздаяніе. Обладатели суть первый благодѣтели.

П и ш е к. Чудная форма воспитанія. У нас бы осмѣяли из ног до головы вас. Гдѣ сія мода? Развѣ в Лунѣ или в дикой Америкѣ?

Е р о д і й. Отец наш вельми страннаго сердца. Из тысящи сердец едва одно найти, согласное ему.

П и ш е к. Так что же прочее?

Е р о д і й. Так не дивитесь чудной формѣ.

П и ш е к. Как же так? Видѣ не должно отставать от людей, а люде и мода одна то.

Е р о д і й. О! о! Он то сея думы далечает, нежели китайская столица от португалскія. Он нам часто-пречасто сію притчу спѣвает:

По мосту, мосточку с народом ходи,

По разуму ж его себе не веди.

За жуком ползая, влѣзешь и сам в глинку.

Он всегда благовѣстит нам, что мода тожде есть, что мыр, мыр же есть море потопляющихся, страна морового язвою прокаженных, ограда лютых львов, острог плѣненных, торжище блудников, удица сластолюбная, пещь, распаляющая похоти, пир бѣснующихся, лик и коровод пьяно-сумозбродных и не истрезвляются, дондеже изнурятся, кратко сказать, слѣпцы за слѣпцем в бездну грядуще. Блажен муж, иже не идет на путь его. В началѣ видѣ врата его красны и путь пространнѣй, конец же его — непроходимая пропасть, нетрепная дебря, бездна глубока. Ах, каковых он пріемлет к себѣ? Каковыми же паки отпускает от себе юнош? Если бы ваше, дѣти мои, око прозирало так, как мое, показались бы и в ваших очах слезы. Но око ваше есть слѣпо, и злодѣй ваш хитр, сіе источает мнѣ слезы. О юноши! Когда помышляю о вас, в мыр устремляющихся, нелзя, чтоб не пала мнѣ во ум притча о волкѣ, кой, пожерши мать незлобных агнцов и надѣв кожу ея на себе, приблизился к стаду. Сын же, увидѣв мнимую мать свою, со всѣх сил устремился к ней, а за ним безчисленныи. Також-де мнѣ приходят на память наша братія — птицы тетерваки?, гоняющіися за изобиліем пищи и уловляемый. Но чайки, сосядки и дятлы бережливѣе их столько, сколько елени и сайгаки овец и волов. Послушайте, дѣти, отца вашего пѣсеньки сея:

Будь доволен малым. За многим не гонися.

Сѣти, простерты на лов,— вельми бережися.

Я вам предсказываю — роскошно не жити!

На таких-то всегда запинают сѣти.

Триста пали в неволю по горячѣй страсти,

Шестьсот плачут в болѣзнях за временны сласти.

Кто благодарен богу, тот малым доволен,

А ропотник всѣм мыром не сыт и не полен.

Благодарная душа избежит от сѣти;

Вмѣсто же ея в сѣти попадет несытый.

Не правду ли я сказал, госпоже моя, что отец наш нравоученіе всегда печатлѣет благодарностію? Во благодарности (рече) так сокрылося всякое благо, как огонь и свѣтъ утаился во кремешкѣ. Вѣрую и исповѣдую. Кто бо может возложить руки на чуждое, аще не прежде погубит благодарность, довольствующуюся собственным своим посылаемым ей от бога? Из неблагодарности уныніе, тоска и жажда, из жажды — зависть, из зависти — лесть, хищеніе, татьба, кровопролитіе и вся беззаконій бездна. В безднѣ же сей царствует вѣчная печаль, смущеніе, отчаяніе и с неусыпным червѣм удка, увязшая в сердце. Сим образом живет весь мир.

П и ш е к. Но, друг мой, поколь мир впадет в ров отчаянія, вы с вашею богинею, благодарностію, прежде погибнете от глада, не научившись сыскать мѣсто для пропитанія.

Е р о д і й. Так ли? В сем-то ли блаженство живет? Ымѣть пропитаніе? Вижу убо нынѣ, что по вашей желудковой и череватой философіи блаженнѣйшая есть засаженная в тюрьму, нежели вольная свинья.

П и ш е к. Вот он! Чорт знает что поет! Развѣ же голод то не му?ка?

Е р о д і й. Сію му?ку исцѣлит мука?.

П и ш е к. Да гдѣ же ее взять?

Е р о д і й. Когда свинія имѣет, как ли нам не достать пищи? Да и гдѣ вы видите, что свинія или наш брат, тетервак, от глада умирает? Но от прожорства или умирает, или страдает. Может ли быть безуміе безумнѣйшее и мерзостнѣйшая неблагодарность богу, промышляющему о нас, как бояться глада? Нужного видѣ никто не лишается. Почто клеветеете на владыку вселенныя, аки бы он голодом погублял своих домочадцов? Пища насущна от небеснаго отца всѣм подается тваря?м. Будь только малым доволен. Не жажди ненужнаго и лишняго. Не за нужным, но за лишним за? море плывут. От ненужнаго и лишняго — всякая трудность, всяка гибель. Всякая нужность видѣ есть де?шева и всякая лишность есть до?рога. Для чего дорога и трудна? Для того, что не ну?жна и напротив того. Мы гайстры есмы. Ямы зеліе, вкушаем зерно, поядаем змій, рѣдко снѣдаем буфоны и пищи никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О боже! Кая чародѣйка ослѣпила очи наши не видѣти, что природная ну?жда малою малостію и малским малым удовлетворяется и что необузда?нная похоть есть тожде, что питливая пѣявица, раждающая во един ден тысящу дочерей, никогда же рекших: "Довл?ет!>

П и ш е к. Отрыгну слово еллинское ??????? (мала эй) или турецкое пек эй.— "Вельми? добрѣ". "Благо же!" Но питливая пѣявица разноо?бразно из околичностей может видѣ помалу-малу насосать себѣ многого добраца, но уже сухая ваша, намазаная, по пословицѣ, и нѣмая благодарность, скажи, молю, кія? вам принесет плоды? Чино?к ли, или грунтик, или имперіалик, что ли? Скажи, умиласердись!

Е р о д і й. Она нам не приносит многих плодов, но один великій.

П и ш е к. В одном не много видѣ добраго найдешь.

Е р о д і й. Отец наш словословит, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, соплетающая множество, нѣсть блаженная; токмо блаженное есть едино тое,

что единое точію есть. Но сем едином, сего же ради и святом, птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ; еродіево же жилище предводителствует ими. "Окаянен (рече) всяк человекъ есть и все мятется, не обрѣтшій единое".

П и ш е к. Да подай же мнѣ в руки оное твое единое!

Е р о д і й. Премудрая и цѣломудрая госпо?же! Наше добро во огнѣ не горит, в водѣ не тонет, тля не тлит, тать не крадет. Как же вам показать? Я единосердечен отцу есмь и в том, что щастія и нещастія нелзя видетѣ. Обое сіе духъ есть, простѣ сказать — мысль. Мысли в сердцѣ, а сердце с нами, будьте со своими крылами. Но сердце нивидное. Ведро ли в нем и весна, и брак или война, молнія и гром,— не видно. Отсюдута и прелщєніє, когда нещасныхъ щасливыми, вопреки же, блаженныхъ тво?римъ бѣдными.

П и ш е к. Однакъ я ничему не вѣрю, поколь не ощупаю и не увижу. Таковая у мене из молодыхъ лѣтъ мода.

Е р о д і й. Сія мода есть слѣпецкая. Онъ ничему не вѣрит, поколь не ощупаетъ лбомъ стѣны и не падетъ в ровъ.

П и ш е к. По крайней мѣрѣ назови именемъ духовное твое оное едино. Что ли оно?

Е р о д і й. Не хочется говорить. Певно, оно вамъ постылою покажется пустошью.

П и ш е к. Здѣлай милость, открой! Не мучи.

Е р о д і й. Оно еллински именуется — ????? или ?????????? 7 (эвфросина).

П и ш е к. Но протолкуй же, Христа ради, что значитъ сія твоя харя?

Е р о д і й. Будете видѣ смѣяться.

П и ш е к. Что жъ тебѣ нужды? Смѣхъ сей есть пріятельскій.

Е р о д і й. Оно есть веселіє и радость.

П и ш е к. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради, дай мнѣ отдохнуть... Уморишь смехом... Здравствуй же и радуйся, голъ да весіол! Ты мнѣ симъ смѣхомъ на три дня здравія призапасилъ.

Е р о д і й. Для мене видѣ лучше веселіє безъ богатства, нежели богатство безъ веселія.

П и ш е к. О мати божая, помилуй нас!.. Да откуда же тебѣ радость сія и веселіє? Оттуду, что ты голъ? Вот! в какую пустошь ваша васъ приводитъ благодарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чемъ. Веселіє такъ, какъ благовонное яблочко. Оно не бываетъ безъ яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но не тве?рда радостѣ, вѣтренно веселіє есть что ли? Пустая мечта — мече?тна пустыня, соніє востающаго.

Е р о д і й. Воистину тако есть. Всякъ тѣмъ веселится, что обожаетъ, обожаетъ же тое, на что надѣется. Павлинъ надѣется на красоту, соколъ на быстроту, орелъ на величество, еродій же веселится тѣмъ, что гнѣздо его твердо на единѣ. Порицаете во мнѣ тое, что я голъ да весіол. Но сіе же то самое веселитъ мене, что моя надежна надѣжа не на богатствѣ. Надѣющійся на богатство в кипящихъ морскихъ волнахъ ищетъ гавани. Радуюся и веселюся, яко гнѣздо наше не на сахарномъ лѣдкѣ?, не на золотомъ пѣскѣ, не на буяномъ возкѣ, но на облачномъ столпѣ возлюбленнаго храма, красящаго всю кифу, кифу адамантову, святаго Петра кифу, ей же врата адава вѣкъ не одолѣютъ. Впрочемъ, в кую суету наша насъ вводитъ благодарность? Не клеветеете ее. Она никогда не низводитъ во

врата адова. Она избавляет от врат смертных. Благодарность входит во врата господня, неблагодарность во адская, возлюбив суету мыра сего паче бысерей, иже суть заповѣди господни, и путь нечестивых, аки свинія блато, предизбравшая паче пути, им же ходят блаженны непорочный. Что бо ест оный бог: "В них же бог мыра сего ослѣпил разумы"? Бог сей есть неблагодарность. Всѣ духом ея водимый, аки стадо гергесенское, потопляются во езерѣ сует и увязают во блатѣ своих тлѣнностей, ядуще вся дни живота своего и не насыщающесе, жаждущіи, ропотливы и день от дня неблагодарны; понеже бо не искусиша божія заповѣди имѣти в разумѣ и презрѣли вкусити ангелскаго сего хлѣба, услаждающаго и насыщающаго сердце; сего ради предаде их вышній во свинныи мудрованія искати сытости и сладости там, гдѣ ея не бывало, и бояться страха, идѣ же не бѣ страх, дабы из единыя несытости 300 и из единыя неблагодарности 600 родилося дщерей во истомленіе и мученіе сердцам и тѣлесам их и во исполненіе Исаиных слов: "Сами себѣ ражжегосте огонь вождельній ваших, ходите убо во пламенѣ огня вашего и опаляйтесь". Не гордость ли низвергнула сатану в преисподнюю бездну? Она изгнала из рая Адама. Что убо есть рай? Что ли есть благовидная свѣтлость высоты небесныя, аще не заповѣди господни, просвѣщающія очи? Что же паки есть гордость, аще не бѣсовская мудрость, предпочитающая драгоцѣнныя одежды, сладныя трапезы, свѣтлыя чертоги, позлащенныя колесницы и аки бы престол свой поставляющая вышше скиптра и царствія божія, вышше воли и заповѣдей его? Не только же, но и всѣ служебный духи (разумѣй, науки мырскія) возносятся и возсѣдают вышше царицы своя, вышше божія премудрости. Кто есть мати сих блядивых и презорливых бѣсиков? — гордость. Гордости же кто мати? — зависть. Зависти же кто? — похоть. Похоти же кто? — неблагодарность. Неблагодарности же кто? — никто! Тут корень и адское тут дно. Сія адская душка, жаждна утроба, алчная бездна, рай заповѣдей господних презрѣвшая, никогда же ничим же удовлетворяется, дондеже живет, пламенем и хвастіем похотей опаляется, по смерти же го?рѣе жжется угліем и жупелем своих вождельній. Что бо есть сердце, аще не печь, горящая и дымящая вѣчно? Что же паки есть смерть, аще не от снов главный сон? Беззаконную бо душу, не спящую видѣ во внутреннем судилищѣ, зерцалом, тайно образующим живо беззаконія, тайно уязвляет свѣжая память, во снѣ же го?рѣе ужасными ме?чтами, страшными привидѣній театрами и дикоо?бразными страшилищами смущает и мучит таяжде вѣчности памятная книга, грозящи достойною местию. Из неблагодарнаго сердца, аки из горнила вавилонскаго, похотный огонь пламенными крилами развѣваясь, насиліем сердце восхищает, да, яже наневидит, та?яжде и творит и тѣмижде мучится. Ничто же бо есть вѣчная мука, токмо от самаго себе осуждаться, быти достойным мести. Грѣх же достоинством, аки жалом, уязвляет душу, покрывающей тмѣ и находящу страху. Надлѣгает же страх оттуду, яко помыслы, не обрѣтая помощи, аки гавани, и не видя ни малаго свѣта надежды; помышляя, ужасаются, рассуждая, недоумѣвают, како бы уллучити исход злключенію... Отсюду раскаеваются без ползы, болят без отрады, желают без надежды. Вот сей есть исход сердцу неблагодарну!

П и ш е к. Уа! Как балалайку, наладил тебе твой отец. Бряцаешь не вовся глупо.

Для мене мило, що серце єсть то жє, що печь.

Е р о д і й. Всякое серце єсть жертвенник, огнище или каминок...

П и ш е к. Что же ты замолк?

Е р о д і й. Желаніє єсть то неугасаемый огонь, день и ночь горящій. Дрова суть то вся, жєлаемая нами. Сіє горнило и сія бездна — углиє огненное, куреніє дыма восходящія до небес и нисходящія до бездн пламенныя волны вѣчно изблеваєт, са?ма сущи морских бездн и ширина небес всѣх. Тут-то слично подобает сказать святаго Ісидора слово. "О человек! Почто дивишься высотам звѣздным и морским глубинам? Вниди в бездну сердца твоего! Тут-то дивися, аще имаша очи". О, глубокое сердце человеку, и кто познает его? О, сердце и воля, безпредѣльный и безконечный аде!

П и ш е к. Видь же и твое сердце горит, и курит, и дымится, кипит, клокошет, пѣнится. Так ли?

Е р о д і й. Со?дома видь горит, курит и протчая, сирѣчь неблагодарное сердце. О всѣх бо неблагодарных пишется: "Горе им, яко в путь Каинов поидоша..." Но не всѣ же суть сердца? Каиновы. Суть и Авелевы жертвенники благовонныи, яко кадило дым, возвѣвающіи во обоняніє господа вседержителя. Не вѣсте ли, госпоже моя, яко пеларгіянскій род есмы, раждаемый ко благодарности? Сего ради и от человек благочестивый нашим именем знаменаются (еродиос), божіє бо благоуханіє есмы. Не воздаєм безумія богу, тщанієм не лѣнныи, духом горяще, господа?ви работающе, упованієм радующеся, скорби терпяще, в молитвах пребывающе, о всем благодаряще, всегда радующеся.

П и ш е к. Развѣ же у вас благочестіє и благодарность єсть тожде?

Е р о д і й. Развѣ же то не тожде єсть: благое чествовать и благій дар за благо почитать? Благочестіє чествует тогда, когда благодарность почтет за благое. Благочестность єсть дщерь благодарности. Благодарность єсть дщерь духа вѣры. Тут верх... Вот вам Араратска гора!

П и ш е к. Признаюся, друже, что сердце мое нудится дивитися сердцу, неописанной (по глаголу твоему) безднѣ. Оно мнѣ час от часу удивительнѣе. Слово твое дѣйствует во мнѣ, будто жало, впущенное в сердце пчелою.

Е р о д і й. Сего ради ублажаю вас.

П и ш е к. О чем?

Е р о д і й. О том, что ваше желаніє, или аппетит, начал остритися ко единой сладчайшей и спасителнѣйшей со всѣх пищей пищѣ. Как денница солнце, так и сіє знаменіє ведет за собою здравіє. Недужной утробѣ мерзка єсть ядь самая лучшая и яд для нея. Здоровое же и обновленное, яко орляя юность, господем сердце преображает и яд в сладкополезну ядь. Кая спасителнѣе пища, как бещда о богѣ? И всѣ гнушаются. Что горестнѣе єсть, как пароксизмами мырских суєт волноватися? И всѣ услаждаются. Откуда сія превратность? Оттуду, яко глава у них болит. Бо?льны, послѣды же ме?ртвы, и нѣсть Елиссея сих умонеду?жных и сердобольных отроков воскресити. Что бо єсть в человекѣ глава, аще не сердце? Корень древу, солнце мыру, царь народу, сердце же человеку єсть корень, солнце, царь и глава. Мати же что ли єсть болящаго сего отрока,

аще не перломатерь, плоть тѣла нашего, соблюдающая во утробѣ своей бысер оный: "Сыне, храни сердце твое!" "Сыне, даждь мнѣ сердце твое!" "Сердце чисто созижди во мнѣ, боже!" О блажен, сохранившій цѣло цѣну сего маргарита! О благодарности, дщерь господа Саваофа, здравіе жизнь и воскресеніе сердцу!

П и ш е к. Пожалуй, еще что-либо поговори о сердцѣ. Вельми? люблю.

Е р о д і й. О любезная госпо?же моя! Повѣрьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и бесѣдовать о сердцѣ не будет вам ни омерзѣнія, ни сытости. Сей есть самый благородный глум. Любители же его нареченны — "царское священіе".

П и ш е к. Для чего?

Е р о д і й. Для того, что вся протчая дѣла суть хвост, сіе же ест глава и царь.

П и ш е к. Ба! А что значит глум? Я вовсе не розумѣю. Мнѣ, яко иностранное слово, сіе.

Е р о д і й. Никако. Оно есть ветхославенское, значит то же, что забава, еллински (???????? — діатріба), сирѣчь провожденіе времени. Сей глум толико велик, яко нарочито бог возбуждает к нему: "Упразднитесь и уразумѣйте", толико же славен, яко Давид им, яко же царским, хвалится: "Поглумлюся в заповѣдех твоих". Древле един точію Израиль сею забавою утѣшался и наречен язы?ком святым, протчіи же языцы, гонящіи и хранящіи суетная и ложная,— псами и свиніями. Сей царскій театр и дивный позор всегда был присный и неразлучный всѣм любомудрым, благочестивым и блаженным людям. Всякое позорище ведет за собою скуку и омерзѣніе, кромѣ сего; паче же сказать: чем болѣе зрится, тѣм живѣе рвется ревность и желаніе. Елико внутреннѣе отверзается, толико множайшая и сладчайшая чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайшій и несытый сот вѣчности? Мыр несытый есть, яко не удовлетворяет. Вѣчность несыта, яко не огорчает. Сего ради глаголет: "Сыне, храни сердце твое". Разжевав, скажите так: "Сыне, отврати очи твои от сует мырских, перестань примѣчать враки его, обрати сердечное око твое во твое же сердце. Тут дѣлай наблюденія, тут стань на стражѣ со Аввакумом, тут тебѣ обсерваторіум, тут-то узриш, чего никогда не видал, тут-то удивишься, насладишься и успокоишься".

П и ш е к. Но для чего, скажи мнѣ, всѣ сердце презирают?

Е р о д і й. Для того, что всѣ его цѣны не презирают. Сердце подобно царю, во убогой хижинкѣ и в разѣ живущему. Всяк его презирает. А кому явилось величествіе его, тот, пад ниц, раболѣпно ему поклоняется и сколь можно, все презрѣв, наслаждается его и лица и бесѣды. Слово сіе: "Сыне, храни сердце твое" — сей толк и сок утаева?ет. Сыне! не взирай на то, что твое тѣлишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетка и тканка простонародная, по?ртище подлое, слабое и нечистое. Не суди по лицу ничего, никого ни себе. В хижинкѣ той и под убогою тою одеждою найдешь там царя твоего, отца твоего, дом твой, ковчег его, кифу, гавань, петру и спасете твое. Быстро только храни, блюди и примѣчай. А когда паки Давид гово?рит: "Поглумлюся в зап[овѣдех] твоих" — не то же ли есть, что сказать так: "Наслаждуся твоего лица, словес твоих, совѣтов и повелѣній"? Самое видѣ величествіе его неизреченно удивляет прозорливца. Не пустой видѣ вопль сей: "Исповѣмся тебѣ, яко

страшно удивил мя еси". В древняя лѣта между любомудрыми востал вопрос сей: "Что ли есть наибольшее?.." О сем всѣ размышляли чрез долгое время, лѣтом и зимою, ношю и днем. Породилися о сем книги. Отдавалося от ученых гор по всей вселеннѣй многое многих отвѣтов и разногласное эхо. Тогда-то размѣсишася и слѣзашася языцы. Востал язык на язык, голова на голову, разум на разум, сердце на сердце... В сем столпотвореніи обрѣтеся муж нѣкій, не ученый, но себе прозрѣвшій. Сей, паче надежды, обезглавил Голіафа. Смутилася и воскипѣла вся мусикія, поющая пѣсни бездушному истукану, тлѣнному сему миру, со златою его главою — солнцем. Злоба правдѣ прирази?лася, но о кифу вся разбилася. Востали борющія волны, но побѣду достала славна сія слава: "Посредѣ (рече) вас живет то, что превыше всего есть". О боже, коль не слична мусикія без святаго духа твоего! И коль смѣхотворна есть премудрость, не познавшая себе! Сего ради молю вас, любезная госпо?же моя, не смѣйтеся и не хулите отца моего за то, что ничего нас не научил, кромѣ благодарности. Я стану плакать, утеку и полечу от вас.

П и ш е к. Постой, постой, любезный мой Еродій. Нынѣ не только не хую отца твоего, но и благословлю и хвалю его. Нынѣ начало мнѣ, аки утро зарыть, тако открыватися, коль великое дело есть благодарность! Сотвори милость, еще хотя мало побесѣдуй.

Е р о д і й. О добродѣлко моя! Пора мнѣ за моим дѣлом лѣтѣть.

П и ш е к. Друзе мой сердечный! Я знаю, что отец твой есть милосердая и благочестивая душа, не разгнѣвается за сіе.

Е р о д і й. Чего ж вы желаете?

П и ш е к. Еще о сем же хоть мало побесѣдуем.

Е р о д і й. Станем же и мы ловить птицу тысячу лѣт.

П и ш е к. Что се ты сказал?

Е р о д і й. Вот что! Нѣкій монах 1000 лѣт ловил прекраснѣйшую из всѣх птиц птицу.

П и ш е к. Знал ли он, что уловит?

Еродій. Он знал, что ее вонки не уловит.

П и ш е к. Для чего ж себе пусто трудил?

Е р о д і й. Как пусто, когда забавлялся? Люде забаву купуют. Забава есть врачество и оживотвореніе сердцу.

П и ш е к. Вот развѣ чудный твой глум и дивная діатриба?!

Е р о д і й. Воистину чудна, дивна и прекраснѣйша птица есть вѣчность.

П и ш е к. О! Когда вѣчность ловил, тогда не всуе трудился. Вѣрую, что она слаже меда. Посему великое дѣло есть сердце, яко оно естѣ вѣчность.

Е р о д і й. О любезная мати! Истину рекла еси. Сего толикаго дара и единого блага слѣпая неблагодарность, не чувствуя за 1000 бездѣлиц, всякій день ропщет на промысл вѣчнаго и сим опалается. Обратися, окаянное сердце, и взглянь на себе самое — и вдруг оживотворишься. Почто ты забыло себе? Кто отверзет око твое? Кто воскресит память твою, блаженная бездно? Како воля твоя низвергнула тебе во мрачную сію

бездну, преобразив свѣтъ твой во тму? Любезная мати, разумеете ли, откуда родится радуга?

П и ш е к. А скажи, пожалуй, откуда? Я не знаю.

Е р о д і й. Когда смотрит на себе в зарца?лѣ пречистых облачных вод солнце, тогда его лице, являемое во облаках, есть радуга. Сердце человеческое, взирая на свою самую ипостась, воистину раждает предѣл обуреваній, иже есть радостная она дуга Ноева:

Пройшли облака,
Радостна дуга сіяет.
Пройшла вся тоска,
Свѣтъ наш блистает.

Веселіе сердечное есть чистый свѣтъ ведра, когда миновал мрак и шум мырскаго вѣтра.

Дуга, прекрасна сіяніем своим, како ты нынѣ отемнѣла? Деннице пресвѣтлая, како нынѣ с небесе спала еси? Ау! Низвергла тебе гордость, дщерь безчувственныхъ неблагодарности, предпочетшая хобот паче главы, снѣхъ преходящу паче мамврійскаго дуба. Еже бо кто обожает, в то себе преображает. Удивительно, како сердце из вѣчнаго и свѣтлаго преображается в темное и сокрушенное, утвердившись на сокрушеніи плоти тѣла своего. Таков, еще себѣ зол, кому добр будет? "Разумивый же праведник себѣ друг будет и стези своя посредехъ себе упокоит". Сіе есть истинное, блаженное самолюбіе — ѿмѣть дома, внутри себе, все свое некрадомое добро, не надѣяться же на пустыя руги и на наружныя околицы плоти своя, от самаго сердца, аки тѣнь от своего дуба, и аки вѣтвы от корене, и аки одежда от носящаго ее, зависящая. Вот тогда-то уже раждается нам из благодарности матерѣ подобная дщерь, еллински именуемая ????????? (автаркѣя), сирѣчь самодовольность, быть самым собою и в себѣ довольным, похваляемая и превозносимая, яко сладчайшій истиннаго блаженства плод, в первом Павловом письмѣ к Тимофею, в стихѣ 6-м так: "Есть снисканіе веліе — благочестіе с довольством". Вот вам два голубиная крила? Вот вам двѣ денницы! Двѣ дщери благодарности — благочестность и самодовольность. "И полещу и почію". Да запечатлѣтся же сія бесѣда славою отца моего сею: главизна воспитанія есть: 1) благо родить; 2) сохранить птенцеви младое здравіе; 3) научить благодарности.

П и ш е к. Ба! На что ж ты поднял крила?

Е р о д і й. Прощайте, мати. Полечу от вас. Сердце мое мнѣ зазирает, что не лечу за дѣлом.

П и ш е к. По крайней мѣрѣ привитайся з дочерьми моими.

Е р о д і й. Здѣлайте милость! Избавте мене от вашего типика.

П и ш е к. Мартушка моя поиграет тебѣ на лютнѣ. Вертушка запоеет или потанчит. Они чрез верх благородно воспитаны и в модѣ у господ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что они пѣсеньки слагают? И вѣришь ли, что они в модѣ при дворѣ у Марокскаго владѣльца? Там сынок мой пажем. Недавно к своей роднѣ прилетѣл оттуда здешній попугай и сказал, что государь жалова?л золотую табакирку...

Е р о д і й. На что ему табакирка?

Пише к. Ха-ха-ха! На что? Наша видь честь зависит, что никто удачнѣе не сообразуется людям, как наш род. Носи и имѣй, хоть не нюхай. Знаешь ли, как ему имя?

Е р о д і й. Не знаю.

П и ш е к. Имя ему Пѣшок. Весьма любезное чадо.

Е р о д і й. Бога ради, отпускайте мене!

Пише к. Куда забавен скакун! Как живое серебро, всѣми составами мает. Принц любит его, цѣлые часы проводит с ним, забавляясь.

Е р о д і й. О сем его ни ублажаю, ни завижу. Прощайте!

П и ш е к. Постой, друг мой, постой! А о благом рожденіи не сказал ты мнѣ ни слова? Так ли? О-о, полетѣл! Слушай, Вертушка! Что-то он, поднимаясь, кажется, скачал...

В е р т у ш к а. Он сказал, матушка сударыня, вот что: о благом рожденіи принесу вам карту.

П и ш е к. А когда же то будет?

Еродіи не лгут. Он в слѣдующем мѣсяцѣ маѣ паки посѣтил сію госпожу. Принес о благом рожденіи свиток, но не мог ничем се утѣшить: толь лютая терзала ее печаль. Никогда жесточае не свирѣпѣет печаль, как в то время, когда сердце наше, основав надѣжду свою на лживом морѣ мыра сего и на лжекамнях его, узрит, наконец, опроверженное гнѣздо свое и разоряющійся град ложнаго блаженства. Господин Пѣшок, прескакивая из окна на окно, упал на двор из горних чертогов, сокрушил ноги и отставлен от двора. Сверх того, старшія дщери начали безчинствовать и хамским досаждепіем досаждают матерѣ. Вскоре она у?мре, дом же стал пуст. Тогда, аки желѣзо на водѣ, всплыла на верх правда, яко силнѣе всего есть страх божій и яко благочестивая и самодовольная благодарность превосходит небо и землю.

Еродій, отлѣтая, повѣсил на цвѣтущем фнникѣ лист сей:

СВИТОК

о благом рожденіи чад ради благочестивых,
сострастных и здравых родителей.

Сѣй в первую и втору луну, сирѣчь в квадрѣ,

Сѣй, изшед из пиров и бесѣд священных.

Зрѣвъ мертвеца или страшен позор не сѣй

Заченшей сверх не сѣй Не в мѣру пьян не сѣй.

Заче?нша да носит в мыслях и в позорах святых,

И в бесѣдах святых, чужда страстных бурей,

В тихом безстрастіи во зрѣніи свягых.

Тогда собудется: "И пройде дух хлада тонка и тамо бог" (Книга Царств).

По сем гайстер вознесся выпрѣ, воспѣвал малороссійску пісенку сію:

Соловеечку, сва?тку, сва?тку!

Че бывал же ты в садку, в садку?

Че видал же ты, как снют мак?

Вот так, так! Снют мак.

А ты, шпачку, дурак...

Сію пнсенку мальчики, составив лик, сирнч хор, или коровод, домашній его пнвчій во увеселеніє спнвали святому блаженному єпископу Іосафу Горленку.

А м и н ъ.

1 [Quadra] — четверть (лаг.).

2 XCITQE есть поздравленіє еллинское — радуйся! Салам — турецкое. Славянски — мир да будет тебѣ! Прим. Ск.

3 Бонжур — французское — добрый день! Кали? име?ра — грецкое слово — то же. Прим. Ск

4 Gehorsamer Diener — ннмецкое — покорный слуга. Прим. Ск.

5 Salve (салве) — римское — благоденствуй! Спасайся! Прим. Ск.

6 [Urina] —сеча (лат.).

7 Радість (грецьке).